

Вячеслав Борисович Репин

СУЩНОСТИ

р а с с к а з

* * *

Незадолго до войны, когда на юг России ещё можно было отправиться по щелчку пальцев, как самолётом, так и поездом, вместе с подругой, к тому времени окончательно вскружившей мне голову, но так никогда и не ставшей моей женой, мы решили поехать на Чёрное море на машине.

На дальние расстояния я зарёкся не ездить своим ходом ни за какие деньги после того, как пересёк Германию на машине и открыл для себя, что могу уснуть за рулём. На большой скорости полоса дороги и особенно однообразная разметка перестают быть среди ночи чем-то реальным. Мгновениями уже не знаешь, действительно ли дорога стелется перед тобой, расплываясь в глазах, как шов, где сон, где явь, при этом так и тянет повернуться на другой бок...

Эн — так звали мою подругу — умела увлечь своим примером, собраться в дорогу за считанные минуты. Ей удалось меня уговорить последовать примеру друзей, собравшихся на отдых всем семейством. Они сняли апартаменты в приморском посёлке Бетта, и в просторном гостевом доме оставались свободные места.

Через пару дней мы выехали из Москвы на двух машинах. Друзья с детьми, девочкой и мальчиком, неслись с ветерком впереди, несмотря на загруженность вплоть до крыши только что

купленного японского седана. Я старался не отставать от «тойоты» на нашем стареньком, но добротном внедорожнике. Путешествие с остановками в гостинице, а также у придорожных столиков со скамейками и в никчёмных дорожных кофейнях отняло у нас почти двое суток...

Семейные поездки на море тем и бывают памятные, что монотонностью протекания и однообразием принуждают к отдыху. От пляжных прохладений быстро набираешься бодрости и сил. Но дни тянутся медленно, чего-то постоянно ждёшь, будто у моря погоды, даже если погода стоит лучше некуда. И тем сильнее одолевает чувство, что чего-то не хватает, сколько бы досуг ни разнообразили базары, поездки за арбузами и дынями, дегустация крепких напитков из кустарных винокурен, обеды в шумных кофейнях и ресторанах. Вечерами — ещё и шашлыки. Ни дня у нас не проходило и без полуночных прогулок в крошечной южной тьме. С утра же — всё сначала. И так все дни напролёт...

Дни становились жаркими. Эн предпочитала пляж, я же пытался скрасить досуг прогулками по окрестностям. Когда удавалось, я забирал с собой детей, договорившись с ними не рассказывать родителям, что разрешаю им, несмотря на возрастные ограничения, по очереди сидеть на переднем сиденье рядом с водительским, а в кафе или в ресторане после десерта или мороженого посылать официантов ещё и за сладкой водой или фруктовым коктейлем.

Но ещё пара таких дней, и я начинал засматриваться вслед проезжающим мимо машинам, подумывая о том, на что бы дельное убить время.

Приморское местечко Бетта достопримечательностями не баловало. Пойдёшь налево — берег. Пойдёшь направо — пляж. А ещё

дальше в стороны — Джанхот и Геленджик, Архипо-Осиповка и Джубга. Россыпями огней, которые так и напоминали знакомые созвездия, соседние курорты раз за разом украшали ультрамариновый бархат, будто занавес, едва он смыкался над морем с заходом солнца. Когда антракт заканчивался и занавес — если уж сравнивать — расступался, над берегом снова вырастали холмы, сплошь покрытые сосновыми лесами.

Что-то так и манило меня в эти места. Хотелось сесть за руль и прокатиться по возвышенностям в поисках неизведанных живописных уголков. Но в навигаторах, как и на обычных дорожных картах, в возвышающейся над нами прибрежной зоне значились одни пешеходные тропы.

В воскресенье я всё же решил поехать взглянуть на местные дольмены, которые привлекали многих отдыхающих. Сооружения считались древними, и места обещали быть живописными — снова лес и предгорья. Езды, правда, получалось немало — километров двадцать только в одну сторону. По жаре за тридцать градусов проветриться мне вряд ли бы удалось, — Эн, как всегда, была права. Но мне уже не хотелось менять планы. К двенадцати часам мой рюкзак был собран: бутерброды в фольге, остатки от вчерашнего шашлыка, галеты, зачем-то даже фляжка со спиртным. Садясь за руль, я испытывал облегчение и некоторое чувство вины.

* * *

День пролетел, как и все предыдущие дни, незаметно. Несколько часов я бродил по каменистому устью высохшей горной речки и под вечер возвращался к машине, оставленной на стоянке, под присмотром жившей здесь же, на подворье, пожилой

пары. Но погода вдруг стала портиться. Доносились раскаты грома. С первыми же порывами ветра принесло морось, а затем пошёл сильный дождь.

Укрыться пришлось под сенью дуба, из-за обширной кроны место казалось надёжным. Непогода не должна была продержаться долго. Но небо над лесом лишь чернело, чаща шумела, скрипели стволы деревьев, а на землю с треском падали ветки, сломанные порывами ветра. Небо всё ярче и громче взрывалось от ослепительной канонады. Лило как из ведра.

Прятаться в грозу под деревом? Пора было искать более серьёзное укрытие. Проще всего было вернуться к дольменам, мимо которых я только что проходил: метров триста, не больше. Массивные каменные сооружения из нагромождённых плит встречались по всему пути, но особенно часто под конец моего последнего марш-броска, перед подъёмом к дубовому лесу, и видимо, просто имитировали древний прототип. Вероятно, археологи нашли такой же где-нибудь в окрестностях. Можно ли проникнуть в эти сооружения и что находится внутри, — я понятия не имел. Ни в одну из этих нор за весь день я так и не заглянул. Но выбора не было.

Ливень переместился в сторону. Подхватив рюкзак, я выждал подходящий момент и, прикрыв голову курткой, быстрым шагом направился к дольменам. Дождь, как назло, только усиливался. Порывы ветра подгоняли в спину. На тропу теперь падали увесистые сучья. Но больше всего я переживал за телефон в кармане. Если намокнет, то всё — можно было оказаться отрезанным от всего.

Сбоку от тропы в свете молний просвечивалась пара высохших шалашей. Для охотников, чтобы караулить дичь, такие укрытия сгодились бы, но спрятаться от дождя в них было невозможно. Первый же из

дольменов, к которым вывела тропа, представлял собой обыкновенное скопище скалистых плит. Вход оказался завален неподъёмными глыбами. Кем надо быть и как нужно изловчиться, чтобы пробраться внутрь? Вытанцовывая, я одолел по скользкой тропе ещё сотню метров и вылетел к очередному подобию пещеры, но уже не разобрал, что вокруг происходит.

Ночь озаряли вспышки. Гром разрывал небесные хляби над самой головой. Ливень, вроде бы ушедший дальше своей дорогой, вернулся в виде проливного дождя завершить начатое. Стихия словно взбеленилась.

Вот и поворот к спуску. За поворотом и сам спуск к полянам, где попадались следы от костров. Ещё дальше — пара других дольменов, тоже запомнившихся. Ослепительные сполохи молний, непроглядный лесной мрак, хлёткие струи ливня — всё перемешалось. Для передышки я попытался укрыться под очередным каменным выступом и, просидев здесь пару минут, даже не понял, как очутился в сухой дыре.

Я осмотрелся: при вспышках молний глазам удалось разобрать что-то вроде лаза. Видимо, я вышел к очередному дольмену, но не с тропы, а откуда-то сбоку. А может быть, укрытие специально оборудовали для таких, как я, как раз на случай непогоды.

Внутри — хоть глаз выколи. Из-за молний, обжигавших глаза, как электросварка, к темноте внутреннего пространства привыкнуть не удавалось.

Я вспомнил про телефон, достал его и посветил экраном в пустоту. Низковато, но вместительно. С некоторым опасением светя себе под ноги и в стороны, я пробрался вглубь с неприятным чувством, что могу наткнуться на зверя, или на змею, а ползучие гады в

здешних краях водились. Тёмное пространство над головой расширялось. Здесь даже получилось разогнуться во весь рост.

Когда глаза кое-как свыклись с темнотой, я обнаружил, что нахожусь в обжитом укрытии. Кто-то даже разводил костёр: камнями было выложено подобие очага, а внутри кострища чернели прогоревшие головёшки. Рядом кучкой были сложены и сухие сучья. Всё ещё чего-то опасаясь, я подобрал палку подлиннее и осторожно ворошил пространство по сторонам. Напротив меня экран телефона даже высветил подобие лежанки, выложенной из хвороста. За спиной у меня, в углублении, обнаружилась и вторая лежанка.

Припрятав телефон, я какое-то время вслушивался в шум ливня, в раскаты грома и раздумывал, как быть дальше. Ливень опять вроде бы стих, гроза отдалилась. Но гром снова вдруг раздался рядом, причём с оглушительной силой.

Звонить? Звать на помощь? Хотя бы предупредить, где я, что со мной, — увещевал я себя. В последний раз я говорил с Эн пару часов назад, перед тем, как решил возвращаться к машине. Связь весь день была плохая, а теперь и вовсе отсутствовала.

Развести огонь? Стараясь не расходовать заряд телефона впустую, я откопал со дна рюкзака зажигалку, осветил себе под ноги, в стороны. Из расщелины под ногами торчала кипа газет, кем-то предусмотрительно прибережённых. Я распотрошил газетный разворот, скомкал его и поджёг. Дым разносило по сторонам, дышать было трудно. Однако стоило поднять горящую бумагу выше, как появилась лёгкая тяга. Где-то вверху имелось отверстие. Я соорудил горку из бумаги и веток, и вскоре пламя занялось. Дым уходил вверх.

Ливень тем временем прекратился. Снаружи доносился только шум самого леса. От ветра лес кряхтел, как живой, что-то с себя стряхивал. К лесному шуму примешивались осторожные шорохи. Впрочем, какой лесной зверь полез бы на огонь? Мысль была успокаивающей. И вдруг шорохи снаружи стали отчётливыми, ритмичными. Кто-то живой находился перед лазом... По спине у меня пробежали мурашки.

— Не волнуйтесь, свои.., — раздался глухой мужской басок.

В тёмном проёме показалась голова в кепке. Ссутулившаяся фигура пробралась внутрь. Незнакомец сбросил с плеч рюкзак и, не разгибаясь, будто четвероногое, примостился на первом же выступе, который смог нащупать руками. Пару секунд он чего-то выжидал.

— Не гроза, а всемирный потоп, — сняв кепку, проворчал он. — Тоже попали?

Я не сводил с гостя глаз.

— Тоже...

— А здесь и негде больше укрыться. Далеко пришлось бы идти... — Усталым жестом он показал в темноту.

В тусклых бликах разгорающегося костра я не мог разглядеть его лица. Но незнакомец был старше меня. Сухого сложения и, скорее всего, невысокого роста, одет он был, как и я, во что-то обычное, городское.

— Ещё бы полчаса, и успел бы... к машине, — добавил незнакомец. — Не рассчитал...

— Вот и я... не рассчитал. Друзья по несчастью. — Я развёл руками и продолжал его разглядывать.

Он стал объяснять, как бы извиняясь, что дорогу знает неплохо, но в темноте, при такой грозе другого выхода не оставалось, кроме как укрыться. Дольмен, в котором мы находились, он уже знал, поскольку как-то

однажды пересидел здесь непогоду. Другие — почти все завалены камнями, внутрь не пролезешь.

Несмотря на попытки незнакомца расположить к себе, разговор не клеился. Его небритое лицо и тускловатые, но цепкие глаза производили впечатление некоторого безразличия, как будто для него всё это было привычно и он особо не переживал. Он мне кого-то напоминал.

— С дровами проблема, — сказал я. — Ещё пару веток, а потом...

— Придётся собирать. Давайте знакомиться. Арсений...

В ответ, будто под гипнозом, я назвал своё имя.

Мы собрали по сторонам всё, что могло гореть. Но он полез к выходу и, что-то нащупывая впереди себя, в боковых углублениях как будто бы сухой части лаза, стал охапками передавать мне коряги покрупнее. Попался даже небольшой пенёк, трухлявый, но сухой. Кто-то, видимо, набросал в сухие закутки целый запас коряг и сучков.

Костёр запылал ярче. Теперь удавалось разглядеть и стены, довольно ровные, выложенные крупными камнями, а в стыках зацементированные. Рукам и лицу стало тепло. И только теперь я осознал, что весь промок. Джинсы — хоть выжимай. Правда, походные ботинки, хотя и летние, лёгкие, я промочить не успел. Шерстяной свитер, который Эн засунула мне в рюкзак, оказался сухим и конечно, был кстати. Я нащупал в рюкзаке и оставшиеся галеты — они тоже не успели намокнуть.

Гость достал в свой черёд что-то своё и развернул свёрток сбоку от себя. Это был кусок чёрного хлеба.

— Не пропадём, — сказал он, кромсая перочинным ножом свой хлеб. — Будете?

Я вспомнил про фляжку со спиртным: как чувствовал, собираясь, что даже водка, несмотря на вождение, может пригодиться. Мой напарник при виде фляжки подбадривающе кивнул, но сам от неё отказался.

Я отпил хороший глоток, закусил кусочком его хлеба. Хлеб имел горьковатый вкус. Но хоть какая-то пища была, конечно, в самый раз.

— Похоже, застрянем, — сказал он. — С такой грозой водяные потоки теперь на каждом шагу, ручьи в реки превращаются, не сунешься.

— Вы местный?

— Нет, какой там... Но не в первый раз приезжаю. Предупредили кого-нибудь?

Я помедлил и солгал:

— Предупредил.

— Правильно. До утра уже не выберемся.

— Нет уж, я предпочитаю идти к машине, — сказал я и поймал себя на мысли, что гостем себя чувствую скорее я, а не он.

— Скоро вообще стемнеет. По ночному лесу пойдёте? Темнота будет кромешной. Приходилось уже когда-нибудь?

— Ходить по ночному лесу?

— Спуски есть, повороты. А заблудитесь? Лес ведь... То-то и оно. Ночевать здесь придётся,— шефствовал он. — Ну а утром...

— Шакалы не начнут орать?

— Да пусть орут.

...

конец демо-фрагмента

[читать полностью](#)